

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА

НЕОПОЗНАННАЯ КУЛЬТУРА

Гностические корни постсовременности

О чудо... Сколько вижу я красивых созданий!
Как прекрасен род людской...
О дивный новый мир, где обитают такие люди.
Шекспир. "Буря"

За пределом конца истории

Динамизм новых миров всегда свидетельствует об их превосходстве над страной, откуда вышли: они осуществляют идеал, который остальные втайне лелеют как конечную и недостижимую цель... Внезапное появление подобного общества на карте сразу упраздняет значение обществ исторических.

Жан Бодрийяр

Субъект истории и ее мера – человек. Прошлое и будущее не существуют сами по себе, как безликие, автономные пространства, наскоро сшиваемые раскаленной иглой космического бытия. Да и картонные хронологические сочленения, числовые ряды, выдаваемые за историю, чаще являются порождениями уставшего ума, оставляющего кривые зарубки для памяти, жизнь же творится в ежесекундной земной вечности – потоке времени, стянутом берегами вселенского общежития.

Разделяют эту реку на сегменты-эпохи: меняющийся склад ума, миростроительные замыслы, различным образом толкуемые цели бытия. И еще, наверное, ступени метафизического промысла. Настоящее – приоткрытая человеческой свободой дверь, преодолев порог которой, люди обретают сотворенную ими вместе версию будущего. Так что перемены в мировоззренческом строе, общественной психологии по крайней мере не менее важны, нежели материальная, событийная сторона жизни, ведь именно здесь прорастают зерна исторических переворотов.

Множественность форм и алгоритмов практики есть не что иное, как зримое воплощение богатств социальной ментальности – производное той странной субстанции, которая, по выражению известного историка (Жака Ле Гоффа), есть нечто объединяющее Цезаря с последним солдатом из его

НЕКЛЕССА Александр Иванович родился в 1949 году. Окончил МГИМО. Член бюро научного совета "История мировой культуры" при Президиуме РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Живёт в Москве

легионов, святого Людовика с крестьянином, пашущим землю, Христофора Колумба с матросами на плывущих по океану каравеллах. Сегодня, балансируя на краю познанной реальности, люди ощущают эту дрожь в груди, познавая волнение и страсти конквистадоров. И так же, как и те, не имеют ни достоверных карт эпохи, ни прочерченных маршрутов в мир за горизонтом.

Время, в котором мы обитаем, — лишь порог новой зона, зыбкое трансграничье, мост над беспокойными водами, объединивший погружающийся в Лету континент Модернити с возникающей из вод истории зыбкой и неведомой Атлантидой. Хроники переходного периода противоречивы и алогичны, они дезорганизуют и корректируют привычную систему исторической записи — *Histories Apodexis*. Качества фиксации реальности, характерные для уходящей эпохи — ясность, логичность, выверенность оценок, — в новой редакции бытия становятся не слишком востребованным инструментарием. Который в конечном счете рискует оказаться на свалке.

Дискуссии о постсовременной цивилизации или же менее обязывающие рассуждения о модернизационной реформации вполне могут являться данью скучному ритуалу, но они же имеют шанс стать взрывчатой, революционной темой. И, кстати, совсем не риторичный вопрос: что, собственно говоря, понимать под “постсовременной цивилизацией”? Если это очередная социально-культурная метаморфоза христианского зона, то подобные процессы не раз, не два происходили на протяжении двух последних тысячелетий. Если же в данной констатации заключена мысль о принципиально иной социальной конструкции, то мы, конечно, присутствуем при революционном и драматичном событии.

* * *

Как раз подобное толкование все чаще ощутимо в дискуссиях о происходящем на планете.

Более того, речь идет, по-видимому, о зарождении иной цивилизации не только в том широком смысле, который был привнесен в определение категории в XIX/XX веках как тема культурно-исторических типов, культурных суперсистем, субэкумен (что позволило, к примеру, Арнольду Тойнби насчитать двадцать с лишним цивилизаций), но в русле изначального, более узкого употребления термина, презентованного толкователям общественных трансформаций еще маркизом Мирабо.

Здесь мы вплотную приближаемся к парадоксу, невольно трансцендируя и переосмысливая значение понятия, заключенного в последовательности “дикость—варварство—цивилизация”, предполагая возможность некоего четвертого состояния общества.

Саму же историю цивилизации — в том числе в значении становления, расцвета и упадка городской (“цивильной”) культуры — можно, в конечном счете, свести к двум протяженным периодам.

Один — это возникновение и развитие городских культур древнего мира, причем как восточных, так и античных, т. е. того обильного разнообразия, которое можно объединить понятием *традиционная цивилизация*. И другой — становление, развитие в течение двух тысячелетий универсальной *христианской цивилизации*, *Pax Christianum*, культуры Большого Модерна, которая, пройдя сквозь ряд метаморфоз, реализовала с различной полнотой и успешностью коды модернизации (*осовременивания*), став глобальной. Различаются они, в числе других примет, направленностью исторического взора: в прошлое у первого, в будущее у второго.

Именно данная — *современная* — форма человеческого общежития пребывает ныне в состоянии трансмутации. Христианская цивилизация развивалась, декларируя особый статус человека, формируя соответствующую среду действия, имеющую целью его *спасение*: восстановление и освобождение. При этом новое (*moderni*) мироощущение¹, оплодотворяя Ойкумену, не раз и не два срывалось в длительные заблуждения, затяжные кризисы.

Вектор развития современной цивилизации — обретаемая людьми свобода, которая прагматично оценивается также мерой возрастания формального могущества. Причем подобная констатация оказалась чреватой двусмысленными следствиями.

Действительно, постулаты восстановления и освобождения, личностного роста и соборности, индивидуации и солидарности, проходя земную реторту, различным образом искажались, расщеплялись, мутировали. Кризис христианской культуры, несовпадение состояния внутреннего мира человека с его техническими возможностями, глобальная модернизация без евангелизации, мультикультурные и мультиконфессиональные траектории развития, — все это предопределило нынешние воспаления и разрывы социальной ткани, одновременно усилив предчувствие грандиозной исторической пертурбации.

* * *

Цивилизация Модернити, форсированно, но механистично осваивая мир, все чаще ради эффективности социальных замыслов и прагматики земного обустройства оставляла за бортом изначальные мотивации, евангелизацию и культуртрегерство. Введя себя тем самым с какого-то момента в полосу перманентных, фундаментальных коллизий с миром, усвоившим технологическую ипостась данной культуры, но отвергающим ее культурные коды и мировоззрение.

Сегодня на планете сложилась ситуация вселенской культурной растерянности: концерт технологически схожих, физически могущественных, но социокультурно, мировоззренчески диссонирующих цивилизаций. И сквозь прорехи этой эклектичной субстанции просматривается контур некой *постцивилизации*.

Конечно, понятие “постцивилизация” двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг. Для меня цивилизация существует, скорее, в упомянутых выше координатах маркиза Мирабо — как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как эмпирическое своеобразие и феноменологическая оригинальность (что как раз является экспликацией культуры). Цивилизация же — планка вполне банальной триады: архаизация — варварство — цивилизация. Другими словами, цивилизацию я прочитываю в русле последовательной трансценденции форм и обстоятельств существования, как повышающийся градус человеческой свободы, то есть универсально, а не локально, диахронно, а не пространственно.

Но именно поэтому понятие “цивилизация после цивилизации” не вполне внятно, оно горчит... Возможно, было бы точнее сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую фазу социальной организации* после архаики, варварства, цивилизации.

Удивительным образом данное понятие соотносится с четвертым состоянием вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), напоминая отдельными чертами характеристики именно турбулентное (плазменное) состояние. Также и в физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное, но в то же время устойчивое соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в синкретичном культурном тексте. И возможно, основной конфликт на планете разворачивается как раз между призраком этой, на первый взгляд весьма эклектичной, постцивилизации и современным миром Большого Модерна.

Действительно, новая социально-культурная феноменология несводима к какой-либо одной известной, исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, по-своему целостной, хотя не слишком внятной семантики. То есть не исключено, что, находясь на кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении вполне определенной цивилизационной альтернативы — со своими ценностями, законами и логикой социальных институтов.

* * *

Анализ социального транзита становится постепенно одним из главных стимулов развития социогуманитарных дисциплин.

Стремительная коррозия институтов и ценностей грозит превратить планету в лабораторию, сотрясаемую экспериментами по отысканию “золотой формулы” иного миропорядка. Находясь в прихожей нового миллениума, мы воочию наблюдаем динамику ценностных мотиваций, мозаику социокультур-

ных клише, их полифонию, конкуренцию, симбиоз... Дело, однако, не только в калейдоскопичном умножении горизонтов практики и столкновении ее причудливых моделей. С повышением могущества цивилизации растет также уровень специфичных обременений, умножается реестр рисков. Причем распад высокоорганизованной системы, осколки сложных механизмов способны по ходу дела порождать масштабные катастрофы.

Рубеж XXI века предоставил современникам редкий шанс почувствовать гул исторической тектоники, ощутить дрожь расходящихся плит цивилизации. Но переживая ускорение бега времени, сталкиваясь с радикальностью перемен, мы все так же, сидя утром в уютном кафе, слышим речи и читаем тексты, исполненные на прежнем языке. Реляции о пришествии новой земли и нового неба буднично творятся с помощью приставок: “пост”, “нео”, “анти”, “транс”, “квази”, “мета”, – старательно фиксирующих факт новизны, но не способных сообщить что-то существенное о ее сути.

Привычный категориальный аппарат, терминологический запас минувшего века: *постиндустриальное и информационное общество, социальный постмодерн, новый мировой порядок, конец истории, столкновение цивилизаций*, равно как многие другие ярлыки и этикетки, прилагаемые к возникающим на планете ситуациям, напоминают скорее ярмарку тщеславия, нежели свидетельствует об интеллектуальной прозорливости или пророческом даре. Однако именно их дефектность поднимает ставки на рынке рационального прогноза, повышает спрос на методы постижения усложняющейся на глазах реальности.

Государство и трансформация

При демократии власть — это влияние... Но в чистейшей форме такое влияние может заключаться просто в тихом совете.

Фредерик Форсайт

Трансформации в сфере общественного устройства предопределены многими причинами, проявляются же они в деформации институтов представительной демократии и публичной политики, переменных в стилях управления, генезисе влиятельных субъектов социального действия, мутации форм государственности и транзите суверенитетов.

В сплетениях межгосударственных связей также возникают специфические коллизии. Происходит коррозия международных отношений как системы взаимодействия национальных государств. Токи перемен влияют на статус интернациональных бюрократических структур, в результате прежнее поколение международных организаций, наподобие ООН и ряда связанных с нею учреждений, переживает затяжной, возможно, фатальный кризис.

Набирающая очки стилистика глобального управления — во многом порождение деятельной транснациональной среды, все еще пребывающей в становлении и в узком смысле состоящей из разнообразных ТНК и ТНБ, иных корпораций / конфигураций “давосской культуры”, то есть которую можно было бы счесть экономической. Но тут необходим некий лексический сдвиг для фиксации особенностей нарождающейся реальности. Уместнее, наверное, на сегодняшний день определить ее как геэкономическую, поскольку речь идет не просто о новых формах хозяйственной деятельности, а об инновационной системе социального управления и власти.

Иначе говоря, в данной среде все чаще проявляется феноменология, которая содержит совокупность функций, выходящих за рамки производственных и рыночных связей и все более соотносящихся с политической стороной жизни общества.

В XX веке уже проявлялась тенденция к слиянию политических институтов с экономическими, стремление восстановить административный или иной контроль над экономической деятельностью, реализовав некий грандиозный управленческий проект. Методы при этом существенно различались: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной (фашистской) моделям государственности, до гораздо более гибких форм косвенного управления, проклюнувшихся в системах финансового контроля или в модификациях ТНК².

Так что наряду с витринным конфликтом прошлого века между “социализмом” и “капитализмом” на протяжении столетия развивался менее очевидный, но, пожалуй, более универсальный процесс формирования государств-корпораций, сопровождавшийся подавлением экономического многоголосья, компрометацией либерализма, отчетливой технологизацией управления, тотальным социальным контролем³.

Выстраиваемый посредством подобных методов строй обладает, однако же, заметной ригидностью, представляя (вполне в русле просвещенческой парадигмы) скорее механизм, нежели организм. Между тем в нынешнем транзитном состоянии мира – причем как в экономике, так и в политике – все более заметную роль играет альтернативная генерация схем и методов управления. В частности то, что может быть определено как проектная и сетевая культура, гибкие амбициозные корпорации, преследующие трансэкономические цели, другие организмы, действующие в логике самоорганизующейся критичности.

* * *

В мире ощутимо, подчас агрессивно заявляют о себе неформальные центры влияния чрезвычайно широкого спектра.

Непубличная власть, уже владея сложными схемами организационного / хозяйственного управления, наращивает мощь финансово-правовых кодов, усиливая их изощренность и проделывая впечатляющую эволюцию от господства над материальными объектами к управлению социальными субъектами, все более сливаясь при этом с привычными формулами власти. Подобная диархия постепенно пронизывает практически всю социальную феноменологию – политическую, экономическую, правовую, одновременно подчеркивая ее подвижный и транзитный характер.

Сегодня можно составить обширный реестр близких по предмету, но разных по содержанию явлений и институций, связанных с жизнью современного человека, что указывает на присутствие в ткани общества несхожих организующих принципов (аттракторов). Скажем, гражданское общество и общество массовое; демократия представительная и управляемая; либерализм, понимаемый как свобода и полнота прав личности, и неолиберализм как универсальность ценностей рынка, акцентирующая функциональный аспект индивида (т. е. фактический субъект неолиберализма – не личность, а предприятие). Наконец, национальный суверенитет и складывающаяся на иных принципах корпоративная система мировых связей.

В экономике же за последние десятилетия проявился столь широкий спектр новаций – объединяемых, в частности, понятием “новая экономика”, – что не просто даже пытаться их перечислить. Но к экономике мы еще вернемся.

* * *

Трансформации охватывают также сферу культуры.

Ее плоды все чаще позиционируются и рассматриваются как особый интеллектуальный ресурс, своеобразное сырье для информационных и коммерческих проектов. Основное внимание при этом уделяется не трансценденции быта и бытия, но, скорее, аранжированию креативного материала. Стратегическая же цель видится не в опознании смысла жизни, а в системной организации и удачной дистрибуции специфического ресурса.

Соответственно усилия индивида направлены не на обретение полноты личности, а на расширение пространства собственной актуализации.

В результате культурное наследие превращается в компоненты трансформера *a la Lego*, текущие штудии – в схожую с логикой ленты Мёбиуса игру в бисер либо, напротив, – в конвейер эрзацев и молекул массовой культуры. И как следствие распространяется феномен фрагментарного, клипового сознания. Так что читать толстые романы теперь не то чтобы не модно, но порою физически затруднительно.

Происходит декомпозиция культуры с экстенсивной эксплуатацией достижений, рассматриваемых как элементы сборки, их произвольной реконструкции в соответствии с конкретной задачей. Причем, случается, противоположного свойства.

К тому же создатель культурного объекта либо его продюсер нередко заранее учитывают маркетинговую стратегию, встраивая ее компоненты в художественную ткань.

* * *

Многолика, едва ли не турбулентная феноменология способна обезличить, растворив в массе ярких, но второстепенных деталей проклюнувшееся своеобразие культурного генома, оригинальную специфику складывающегося мироустройства.

Изменения в социальной и культурной жизни можно, конечно же, объяснить прагматизацией бытия, что зачастую и делается. Действительно, часто приходится сталкиваться со следующей точкой зрения: долгое время в мире доминировали ценности, а сейчас начинают превалировать интересы, то есть происходит движение от сущности к видимости, от идеала к повседневности и, в конечном счете, энергичное уплощение цивилизации.

На первый взгляд дела обстоят именно таким образом.

Однако можно ли всю феноменологию перемен объять подобной рационализацией? Пожалуй, нет. Это было бы поверхностным прочтением возникающего культурного текста. Помимо очевидного упрощения и даже примитивизации мы имеем дело с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социокультурных ожиданий, с многообразными проявлениями специфического мироощущения, переосмыслением системы взаимоотношений: человек—мир—Бог.

Попробуем перечислить приходящие на ум реалии современного мироустройства: феномен массового общества, управляемая демократия, унификация и транспарентность национальных правовых систем, поствестфальская система международных отношений, сетевые организации, неолиберализм, финансовая экономика, элементы глобального управления, виртуальная реальность... А также ряд явлений, связанных с автосуверенностью и кодексом политкорректности: от феминизма, утверждения полноты прав сексуальных и других меньшинств, права распоряжаться собственным телом (аборты, фетальная терапия, новые репродуктивные технологии, смена пола, генетические манипуляции, в перспективе — клонирование) до легализации эвтаназии, легких наркотиков и т. п.

В данном собрании “коррекций” ценностной и правовой систем просматривается дерзновенный комплекс, ломающий горизонт христианской секуляризации. Комплекс, который базируется не на плоских интересах, а на разветвленной системе каких-то иных ценностей, укрытых до времени инерцией жизни и эклектикой повседневности.

* * *

Что все это означает?

Быть может, дело в том, что обретенная на пике земного, “географического” торжества христианской культуры универсальная свобода одновременно предопределила наступление момента легализации иных кодов бытия. И то, что наблюдается сегодня, есть неизбежное смещение времен, смешение цивилизации и архаики (но это уже не прежняя цивилизация, как и не прежняя дикость), плавильный тигель синкретичного состояния общества — проблески альтернативной цивилизации, где человеку будет дано распорядиться свободой как никогда и одновременно испытать небывалое угнетение.

В результате складывается парадоксальная ситуация, когда материальные успехи цивилизации лишаются изначального смысла и начинают противоречить прежнему пониманию исторического замысла...

Но взглядевшись в этот калейдоскоп, начинаешь различать, как за политическими и экономическими бликами, сквозь игру повседневности проступает облик некой *неопознанной культуры*, и нам остается лишь попытаться распознать этот лик.

Правда, возникают проблемы. Так, с некоторых пор исследователи инстинктивно избегают делать широкие, тем более метафизические обобщения,

рассматривая явления в функциональном ключе, по возможности выдерживая дисциплинарные разграничения мировоззренческих тем. В свою очередь, сокращение горизонта рефлексии, утрата вкуса к большим смыслам (в немалой степени поддерживавшегося традицией богословия) приводят к тому, что политические и экономические закономерности воспринимаются как автономные, “суверенные” универсалии. Едва ли не как константы — инвариантные модели для всех культур и на все времена. А происходящие изменения — как следствие последовательной, хотя и со сбоями, работы механизма истории. Другими словами, как чуть ли не механический процесс, ведущий к гарантированному результату.

И посему, чтобы прочесть черновики экзистенции, опознать наспех начертанную новацию, приходится отступать на шаг, освежив в памяти мнения и суждения той поры, когда в обществе царила тяга к широким метафизическим и культурологическим обобщениям.

* * *

Однако даже привычно поминаемая в этой связи веберовская шинель становится узковатой.

Макс Вебер, как известно, затрагивая тему становления современности, рассуждал о протестантских корнях капитализма. Но если внимательно вчитаться в строки работ, можно сделать несколько уточнений — к примеру, речь идет не столько о протестантских корнях вообще — тем более в масштабе всей Европы, а не преимущественно Германии, — сколько, главным образом, о кальвинистских (и еще о влиянии американских пуританских сект). Разница, впрочем, на первый взгляд незначительная. Но можно вспомнить и другие оговорки, например, о применимости корпуса рассуждений лишь к предыдущей фазе денежного строя, а отнюдь не к процессам, обозначившимся к началу XX века: “... в настоящее время действительно не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между... “хрематистическим” образом жизни и каким-либо целостным мировоззрением”. А ниже провозглашается нечто даже более радикальное: “... капитализм, одержав победу, отбрасывает ненужную ему больше опору”⁴.

Обозначенные выше, да и некоторые другие различия между действительными рассуждениями ученого и распространенными сегодня в обществе стереотипами позволяют уловить некий вектор. Направление мысли, следуя которому, можно обнаружить второе дно, связанное с идеологией социального постмодерна — той самой скорописи, претендующей на роль сакрального текста новой цивилизации.

В трансформирующемся мире капитализм Модернити, капитализм “веберовский”, “цивилизованный”, утрачивает привычный облик. Прежняя оболочка, устойчиво связываемая с протестантской этикой, теряет черты христианской цивилизованности, возвращаясь к некоему изначальному состоянию — капитализму “варварскому”, “незападному”, но уже в постмодернистской и непознанной ипостаси. Ариаднина же нить и рабочая гипотеза данного рассуждения заключается в следующей посылке: возводимая в недрах общества антропологическая и социальная конструкция имеет более глубокий и более древний, нежели протестантизм, мировоззренческий фундамент, который, на наш взгляд, принадлежит гностицизму.

И соответственно версия постхристианского универсума, чей облик с каждым днем становится все четче и обстоятельнее, может быть определена с точки зрения ее начал и постулатов как гностическое мироустройство.

Трансмутация истории⁵

Не имея возможности направиться в
высшие сферы, я двинулся к Ахеронту.
Вергилий

Что есть гностицизм, его внутренняя картография применительно к (пост)современному кругу проблем, то есть к проклюнувшемуся общественному мироустройству, экономической и политической практике, ценностям и

мотивациям поведения человека в новом мире? Каким видится влияние идей и шире — специфичного мироощущения на постулаты культуры и практическую жизнь? Наконец, какова наиболее соответствующая его духу и логике модель социального универсума?

Отличительной чертой гностицизма является особый статус материального мира как области несовершенного, случайного; как пространства “плохо сделанного” земного и человеческого космоса, которому присущи произвол, инволюция, самоотчуждение. Бог обособляется здесь от чуждого ему творения, трансформируясь, по сути, в Аристотелев перводвижитель; миру же придается тот же механицизм, что и у язычников, нет лишь страха и пиетета перед ним.

Характерны также абсолютизация роли зла, презумпция отдаленности и неучастия “светлых сил” в земных делах при близости и активном участии в них “сил темных”, а также вытекающий из данной фатальной и трагической ситуации деятельный пессимизм.

Кроме того, гностицизму свойствен глубокий, порою онтологичный дуализм, который предопределил и специфическую антропологию. Речь, однако, идет не о сложных кодах соединения разнородного, как, скажем, в дохалкидонской полемике о сочетании двух природ в Богочеловеке, а о двух породах людей, о жестко разделенных слоях человечества: высшем и низшем (избранных и отверженных), проявлением чего оказывается радикальный, обостренный элитаризм.

Еще один родовой признак гностицизма — эзотеризм, эволюция степеней посвящения, практика создания особых структур управления, скрытой власти, действующей параллельно официальной, но невидимой для нее; организация влиятельных структур, применяемых и используемых также во вполне прагматичных целях.

Другое немаловажное свойство — специфическое, абстрактное, системное мышление, стремление к строительству бесконечных миров, числовых, нумерологических систем.

* * *

Иначе говоря, гностицизм серьезно подошел к проблеме зла, решив ее по-своему, через призму негативного восприятия вселенной и ее умопомраченного творца.

Пытаясь отыскать простое (линейное) и понятное (рациональное) решение метафизической тайны — генезиса разлада между всемогуществом и всеблагостью — адепты учения усложняют по форме, но упрощают по сути и модель мира, и саму проблему, и ее решение, придавая им скорее механистичный, нежели метафизический привкус дурной бесконечности. И тем самым творят представление о творце и творении редуцированное, прагматичное, жесткое, неблагое.

Рискую сказать, что гностицизм — своего рода упрощенное христианство, что, однако, влечет совсем непростые следствия. Но как раз этой стороной данное мировоззрение наиболее близко современному человеку, развращенному потребительской логикой, эманациями поп-культуры и обожающему именно эффектные упрощения. Особенно если есть возможность заменить реальное, трагедийное усилие души не слишком обременительными квазимистическими спекуляциями ума (имеющими к тому же — как всякое средство повышения комфорта, в данном случае душевного, — коммерческую составляющую и перспективу). Кстати, проекты именно класса *à la* интеллектуальный поп-арт, ориентированные на поддержание иллюзии принадлежности к престижной высокой культуре (*haute culture*) — своеобразный духовный материализм и поиск специфичного душевного утешения, считаются перспективными именно в этом смысле.

И в той же купели совершается иное действие: историческое обновление терзающего человечество вопроса — некогда громко провозглашенного Иовом: о природе блага и могуществе зла. Вопрос, болезненный для человечества, ощутившего глубину провалов и “зияющие высоты” в теологии после опыта ГУЛАГа и Освенцима, Кампучии и Руанды.

Искушения открывают головокружительный простор для людских слабостей; гностицизм же в своей основе есть действенная иллюзия и энергичная

попытка постижения истины и свободы без обретения жертвенной, подчас самоуничтожающей любви. Порою создается впечатление, что наиболее характерная черта данного мироощущения – присущая только ему удивительная смесь элитаризма и вульгарности, вполне, кстати, отражающая *Zeitgeist* эпохи уплощения цивилизации и освобождающейся дикости.

Двойственный же характер представления о реальности проявился в разделении людей на настоящих, обладающих гнозисом, что бы под этим ни подразумевалось, и ненастоящих, имеющих лишь обличье человека, но являющихся, по существу, разумными животными. Гностический универсум делится, таким образом, на виртуальную сферу настоящих свойств (сакральный Север) и материальный мир поделок (десакрализованный Юг).

* * *

Сложноподчиненная конструкция Мирового Севера и Мирового Юга может быть, впрочем, истолкована как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного Суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Тут можно было бы вспомнить известные слова о “переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономии”⁶.

И даже шире. Почти фарсовое сближение апокалиптического противостояния избранного народа миру зла со “священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградской буржуазии” в наши дни дополнилось иной антитезой: противопоставлением “рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга”, квинтэссенция коего – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание либо развязывание демонов мировой анархии.

С другой стороны, миллионы людей соотносят именно данные события, причем во вполне земных формах, с приближением “нового неба и новой земли” постисторического бытия, символизируемого возникающим из сердцевины истории – то есть в процессе синергийного творчества – идеального града: Горнего Иерусалима.

Наконец, главное. Если мир и большинство его обитателей не вполне настоящие (механические объекты), то и действия в отношении них лишены реального груза моральной ответственности. Тогда высшее состояние этой юдоли зла – ночь творения, грядущий распад и аннигиляция мира, освобождающая избранные души от власти материи. Ночь истории, что тенью сопутствует на протяжении всех дней творения человеком собственного мира – как изнанка свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, – предчувствуя исполнение сроков, кажется, готовится к историческому реваншу, чтобы повернуть социальное время вспять ко временам архаики Протоистории.

В гипотетичном мире распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию перерождения ткани мегаполисов и расползания метастаз трущоб, скрывается в виртуальном / психоделичном лабиринте мирового андеграунда, на пути к вселенскому упокоению и некрополю, устремляясь в дурную бесконечность немой ахронии. Смутно различимый и предчувствуемый в центре данного лабиринта Пандемониум – также своего рода град, имеющий собственную причудливую архитектонику.

* * *

Наверное, нельзя не упомянуть еще об одной слишком очевидной и потому, как ни странно, неотчетливой черте гностицизма – его тяге к христианству (особенно к наиболее напряженной и интенсивной форме последнего – исихазму), о двойничестве-оборотничестве. И о соприсутствии на одной территории “абсолютной религии” подчас одних и тех же душ и умов.

Гностицизм по-своему близок христианству, то есть как его основной оппонент, “близнец”. В некоторых случаях различие кажется столь тонким, словно из сферы субстанции оно перетекает в область акцентов. В Древнем мире гнозис вообще оказался своеобразным провозвестником христианского века, зачинателем осевого времени, будучи метафизически глубже и деятельнее язычества традиционных культур.

Он свидетельствует о христианстве, как полноценная тень свидетельствует о светиле, он что-то знает о христианской истине, но по слишком многим причинам предпочитает дать собственный ответ, в котором оказывается разъятой триада любви, творчества, свободы. Гностик — это безумец, несчастливо соприкоснувшийся с отраженной истиной, став пленником иллюзорного зазеркалья. “Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало, оно оказалось мало похожим на человеческое”.

Адепты лжеименного учения подменяют личное и жертвенное сочетание свободы и любви в реальном мире на соединение свободы и универсального, но безличного знания в мире иллюзий. Их бог — не личность, ибо гностическим даром, утешением можно уверенно обладать и обогащаться, управляя как силой, что подчас сближает гностицизм с магией.

Различие двух ответов на тайну бытия проявляется в отношении к несовершенствам жизни: гностицизм, копя в хрониках цивилизации нигилизм, отрицает жизнь и, тяготея к силам искусства, изобретает несуществующее (плодит утопии), в то время как христианство приходит в падший мир, чтобы попытаться его спасти.

Смысл и результат христианского творчества все-таки не спиритуалистичен, а реалистичен, конкретен и даже персоналистичен. Его цель — не искусство как апогей бесконечного процесса, а спасение как торжество результата. Не идеальный проект здесь отделяется от какофонии случайного, но человеческая личность отъединяется от греха и его следствий (искажений), так что объект творчества охватывает, в конечном счете, весь мир, не предрешая, однако, результат, но воплощая его в соответствии с милосердием и свободой икономии спасения.

Проще говоря, гностицизм склонен уничтожать несовершенное, а не исцелять. Но и гностицизм, и христианство оба пребывают в трансцендентальном отношении к обыденности, постоянно сталкиваются в метафизических пространствах и деятельных душах. Хотя, конечно же, земное пространство распространения гностицизма, универсалистский дух которого проклевывается еще в буддийском нигилизме и зороастрийском дуализме, не ограничено иудео-христианским миром.

* * *

Оставим, однако, за пределами текущего рассуждения времена мандеев и ессеев, равно как фрагменты учений Симона Мага и Саторнила, Василида и Валентина, офитов и каинитов, сифиан и архонтиков. И даже такие важные для темы фигуры, как Маркион и Мани. А также калейдоскоп околумусульманской мистики, иудейской каббалистики, имевших, пожалуй, даже большие, нежели гностицизм, возможности для полуполюгального существования в космосе средневековой Европы, образуя симбиотические конструкции со структурами повседневности.

Если попытаться сжать время и выделить некую отправную точку, момент для развертывания релевантного феноменологического и исторического дискурса — когда многовековой подспудный процесс выходит на поверхность, зримо проявляет себя и значимо социализируется, то наибольший интерес, пожалуй, представляет предыдущий *fin de millenium*. Другими словами, первые века второго миллениума христианской эры.

Тогда, после тектонического раскола универсального пространства спасения в XI–XII столетиях, массового перемещения людей и ценностей в ходе движения народов и крестовых походов, в Европе так же, как и сейчас, велись разговоры о новом мировом порядке, даже словосочетание употреблялось то же: *Novus Ordo*. В XIII веке стали явственны мутации духовного порыва, кризис ожиданий, связанных с половодьем крестовых походов, сопровождавшихся обратной волной культурной экспансии, взаимной социокультурной диффузией, привнесением в европейский круг обширного восточного наследства. То же относится к процессу Реконквисты и к обретению Западной Европой в начале XIII века наследства византийского. В этот период наряду с утверждением христианского мира в качестве генерального субъекта исторического действия — цивилизации универсалистской и прозелитической — к древу истории прививается побег, произрастающий из зерен авероистской версии аристотелизма, специфического антропоцентризма и гностических ересей.

Эта ветвь, постепенно разросшись и укрепившись, со временем произвела мутацию могучего европейского организма, создав современный экономистичный универсум. Амальгама западноевропейского ума эффективно соединила стремление к ясности, демифологизации мира с механицизмом линейной логики его прочтения, проявившейся, в частности, в дискурсивном пространстве поздней схоластики. А затем – в феномене естественнонаучного мышления, развитии технических, социальных, гуманитарных инструментов и дисциплин, породив ряд характерных для современной цивилизации явлений. И предопределив тем самым ее энергичную экспансию.

* * *

Но что такое новый порядок в социально-политических реалиях того переходного времени?

Это была пора фактического распада прежней, импероцентричной системы, период своеобразной приватизации власти, что нашло выражение в реализации структур кастелянства/феодализма. Затем произошла аграрная революция, сопровождавшаяся ростом населения, а чуть позже – урбанистический взрыв.

Зачиналась эпоха географических открытий, усиливались миграция, колониальная экспансия, менялись торговые пути и финансовые схемы и т. п. В сущности, уже тогда возникают первые сполохи зари Реформации, происходит пассионарный толчок, направленный против эксцессов и духовного оскудения Рима, складывается динамичная общность новых людей и светских интеллектуалов.

Несколько позже распад мироустройства привел к формированию суверенных национальных государств, в которых закат идеала христианского народа и его единого царства нашел воплощение в альтернативном чувстве земного патриотизма. Впоследствии идеалы вселенской общности рассматривались уже в совершенно иной системе координат: сначала как движение к “союзу наций”, а уже в наше время – как преодоление сложившегося формата государственной власти.

Кстати, *Novus Ordo* переводится не только как “новый порядок”, но и как “новое сословие” (сословие и порядок – одно и то же слово на многозначной латыни). Проблема тут глубока и многомерна, она осознавалась и схоластически осмысливалась в начале второго тысячелетия, иначе говоря, у истоков современной фазы цивилизации. Хорошо известны стереотипы трех сословий, но хуже – четвертого. А полемика вокруг четвертого сословия велась не один век, в данной концепции проявилась квинтэссенция динамичного, транзитного состояния мира, смены, ломки мировоззрения человека Средневековья.

Контур нового класса, равно как изменившейся статус мира, проступали в дерзких исканиях мысли, в нетрадиционных торгово-финансовых замыслах, в пересечении всех и всяческих норм и границ, как географических, так и нравственных, в областях теории и практики. Диапазон его представителей – от ростовщиков и купцов до фокусников и алхимиков. Так, в немецкой поэме XII столетия утверждалось, что четвертое сословие – это класс ростовщиков (*Wuocher*), который управляет тремя остальными. А в английской проповеди XIV века провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же – бюргеров и заимодавцев⁷.

* * *

И здесь мы вплотную подходим к исторической загадке капитализма. К той области, в которой бытует множество стереотипов, мифологем и мистификаций.

Капитализм – не просто метод эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающий в лоне рыночной экономики. В определенном смысле это выход за пределы экономики, интеллектуальный, психологический и социальный прорыв, малодоступный язычнику, человеку традиционной культуры. От рынка капитализм, впрочем, отличает не столько предмет деятельности, сколько ее способ, масштаб, цели. Это не рынок *per se*, но его особая организация.

Фернан Бродель, описывая непростое явление, назвал его “противорынком”, поскольку суть “в явно другой деятельности”, “в неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным законом так называемой рыночной экономики, не занимает подходящего места”⁸.

Арнольд Тойнби в свое время выразился еще резче: “Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм в конечном счете будет навязан диктаторским режимом”.

Загадка капитализма

Кто дал вам губку, чтобы стереть небосвод?

Фридрих Ницше

Капитализм – энергичная социальная субстанция, целостная идеология, замысел и сценарий специфичного мироустройства, стратегия упомянутого выше денежного строя, сутью которого является не само производство или торговые операции, но операции системные, направленные на контроль над рынком и обстоятельствами, имеющие также целью перманентное извлечение устойчивой системной прибыли (сверхприбыли).

(Грубым, архаичным, не слишком точным и уж совсем неприглядным аналогом могут тем не менее послужить отдельные черты деятельности мафии, причем в “классическом” смысле понятия, т. е. не как преступности, а как специфичной системы управления сумеречным миром, контроля над ним, взимания дани... Однако клан, в отличие от класса, не имеет социальной сверхзадачи.)

Капитализм обретает универсальную власть не через административные, национальные структуры, но главным образом посредством интернациональных хозяйственных механизмов. Такая власть по своей природе не ограничена государственной границей и распространяется далеко за ее пределы, рассматривая всю доступную Ойкумену как пространство, открытое для деятельности. В итоге параллельно проекту построения на земле универсального пространства спасения, *Universum Christianum*, этот мир-двойник создает собственный амбициозный глобальный проект – выстраивания вселенского *Rex Oecopotisana*.

“Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, – описывает положение хорошо информированный интеллектуал-миллиардер Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели”⁹.

* * *

Питательная среда капитализма, его магнитное поле, силовые линии исторически складываются в нервном сплетении финансовых схем и трофейной экономики крестовых походов, преимущественно в приморских ареалах Европы (исключение – “сухопутный порт” ярмарок в Шампани).

Его родовые гнезда – это, прежде всего, города-государства и области Италии: Венеция, Генуя, Флоренция, Ломбардия, Тоскана, а также побережье Северного моря: города Ганзейского союза, Антверпен, позже – Амстердам. Противоположные в лотарингском лимитрофе миры Нидерландов и Венеции объединяет, кстати говоря, одно странное обстоятельство – это в прямом смысле слова *рукотворные миры*.

Здесь же в земноводье Соединенных провинций зарождается альтернативная, исторически успешная политическая конструкция, провозглашенная

в Генте в 1576 году делегатами 17 провинций: “*Не народ создан для государя, а государь для народа. Если государь поступает с гражданами как с рабами, то перестает быть государем и становится тираном*”. Принципы, заложенные в декларации, реализовывались в следующем столетии в борьбе за Английскую республику, затем в строительстве политической конструкции Соединенных государств Америки и, наконец, были воплощены в ходе Великой французской революции.

Органичным духовным ингредиентом капитализма становятся по-видимому разноконфессиональные, но единые в своей основе толки и учения, свободные от специфических ограничений, налаженных ортодоксальным христианским мировоззрением, уже тогда прямо или косвенно оплодотворявшие семена, породившие сложные соцветия Реформации.

С развитием городской культуры, торговых, военных, иных коммуникаций данные культурные коды, взгляды, учения активно распространяются в Европе: эстафета передается от павликиан и богомилов к патаренам и альбигойцам, т. е. к общинам катаров и вальденсов (сообразно с направлениями движения идей, людей и артефактов после катастрофы, постигшей Византийскую империю). Это также тамплиеры, активно занимавшиеся финансовой деятельностью, сама трансграничная система организации которых – впечатляющий прообраз будущих ТНБ, ТНК и виртуальных корпораций-государств.

Особо интересны в русле данного рассуждения вальденсы, определение которых различными авторами различается от “еретической секты манихейского толка” до “дореформационной протестантской конфессии”, но возможно, тут нет противоречия.

* * *

В годы гонений, последовавших за альбигойскими войнами, вальденсы разделились, причем радикальная часть, отказавшаяся принести покаяние, переселяется в германоязычные страны, в Нидерланды, Богемию, Пьемонт, в Западные и Южные Альпы, где, по некоторым сведениям, уже обитали общины, ушедшие от государственного христианства еще в IV веке: бунтари-багауты и “состязающиеся с дьяволом” агонистики.

Там, в труднодоступных местностях, местах ссылок, своего рода “европейской Сибири”, в суровых условиях борьбы за выживание формируется дух протестантизма, отмеченный особым отношением к труду, личным аскетизмом, энтузиазмом, самоотречением, честностью, скрупулезностью, корпоративизмом. Развивается также институт тайного прозелитизма, охвативший со временем едва ли не всю Европу, вплоть до Скандинавии и Тартарии-Руси (в последнем случае преимущественно через торговое пространство Великого Новгорода, но не только).

Бывшие “лионские бедняки” активно внедряются в оптовую и розничную торговлю, что позволяет свободно перемещаться и устанавливать множественные связи. Контакты с вальденсами приписываются практически всем значимым фигурам дореформационного протестантизма: от Джона Уиклифа до Яна Гуса. Изгнанные из легального мира, вынужденные жить в масках, общаться непрямым образом, сектанты обнаружили, что именно вследствие данных обстоятельств обладают серьезными конкурентными преимуществами и великолепно подготовлены для системных операций.

Иначе говоря, они владеют механизмом успешной реализации сговора и контроля над ситуацией, для разработки и реализации сложных, многотактовых проектов, осуществления крупных, часто коллективных, капиталовложений, неформального заключения доверительных соглашений, требующих долговременного оборота средств и деятельного соприсутствия в разных точках земли. Другими словами, для формирования структур энергичного *private market* в рамках гораздо более аморфного *public market*.

Эффективность механизма была многократно проверена и со временем усилена историческим союзом, конкордатом прежней (“воинской”) и новой (“денежной”) аристократии, воплощена в феноменологии компаний-государств (наподобие Ост- или Вест-Индской), а впоследствии подтверждена сохранением соответствующих сетевых структур, развитием их модификаций. И появлением аналогов уже во времена торжества секулярного общества, ког-

да прежние причины возникновения данных форм поведения перестали существовать.

* * *

В XIV и XV веках совершается разделение ересей в социальном отношении. Процесс этот происходил параллельно с обустройством специфических корпораций: коммун и гильдий.

Во-первых, выделились плебейские ереси: народные религии, своего рода крестьянский *New Age* с хилиастическими ожиданиями и социалистической перспективой, получившие собственную историческую реализацию, в том числе в XX веке.

И, во-вторых, – ереси бюргерские (“городские”, “буржуазные”), ставшие закваской будущей радикальной трансформации западноевропейского мира, равно как ереси “университетские” или “интеллектуальные”. Их системная реализация, комплексная культурная и социальная композиция, проявилась ближе к концу второго тысячелетия. В том числе в таких политических и идеологических конструкциях, как коммунизм, фашизм, неолиберализм (странным образом напоминая о знаменитых трех искушениях)¹⁰. Однако и по сей день разрозненные фрагменты мозаики уверенно контролируемого мира не соединились в единую картину. . .

В XVI веке “буржуазная религия” окончательно выходит на поверхность в феномене Реформации, фактически второй “великой схизмы” христианской Ойкумены¹¹. Реформация по-своему легитимирует ряд еретических течений, включив их в западнохристианский социокультурный круг, закрепляя данный симбиоз подчас в форме скрытого синкретизма некоторых протестантских сект. “Когда-то Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу, – писал Эразм Роттердамский. – О том, что зарождается сейчас, я бы предпочел умолчать”¹².

В историческом контексте интересен генезис, в том числе и географический, гугенотов и кальвинистов. Не менее плодотворным является анализ конфиденциальных торговых и секретных финансовых соглашений Нового времени, зарождения и истории следующего поколения тайных обществ, чье мировоззрение и практика прямо противопоставляются вполне определенному “вероучению толпы”.

Распространяется новый тип мироощущения, в котором эффективно проявляется такая характерная черта кальвинизма – и в той или иной степени протестантизма в целом, как деятельный фатализм, рассматривающий земное богатство в качестве зримого доказательства призвания, а успех – как признак харизмы. В средневековой же Европе доминировала совершенно иная логика: при обязательности труда подчеркивалось противопоставление необходимого – *necessitas* – избыточному – *superbia* – с соответствующей моральной оценкой. А стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitudō*) и даже сама деятельность профессионального торговца как едва ли угодная Богу (*Deo placere vix potest*).

Для человека, придерживавшегося новых взглядов, деньги имеют, прежде всего, символическое значение: они не столько богатство или средство платежа, сколько десигнат статуса и орудие действия в не вполне реальном мире, инструмент управления им. Экономика же сама по себе вторична – она лишь основа иных схем и планов; психологически гораздо ближе оказывается стилистически рафинированная и отвлеченная Аристотелева хрематистика, но облагороженная и очищенная от низкой алчбы. (Или, как уже в наши дни и по несколько иному поводу выразилась Маргарет Тэтчер: “Экономика – это средство. Целью же является изменение души”.)

Горизонт планирования при этом раздвигается, что позволяет со временем развернуть совершенно особое поколение технологий.

* * *

Подобное мироощущение провоцирует искушения, сближающие его практикантов с еретиками и адептами тайных наук.

Ибо романтика схем и цифр, начала дигитальной культуры сливаются здесь с каббалистикой и алхимией: финансовые формулы создают невероятные в прежней логике источники неисчерпаемого богатства, наподобие кредита последней инстанции. И наделяются они силой, обладающей несомненной, очевидной властью в этом мире – в том числе над поведением, судьбами, характером и душами людей.

К тому же, ставя под сомнение человеческую и божественную синергию, то есть возможность подвига преображения, освобождения от греха *сотрудничеством*, нелинейным сверхусилием человека, действующего в соответствии с промыслом о нем, кальвинизм на деле превращает личность в индивиду, эффективно практикующего ту или иную функцию ради достижения максимального результата как зримого доказательства собственной избранности¹³. Таким образом, трагизм личного усилия по слиянию с божественными энергиями и преодолению нарушенной природы теряет смысл, подменяясь деятельным гаданием, в результате чего индивид попадает в беличье колесо фетишизации успеха.

Мир же при этом оказывается безнадежно расколотым. И для определения статуса в вечности, принадлежности к сообществу спасенных или проклятых, к избранному народу *Übermenschen* или сонмищу *Untermenschen*, требуется не восхождение лестницей духа, но испытание профессиональной состоятельности. А “*милость к падшим*” сменяется почти ритуальным к ним презрением.

Погружаясь в эти неблагоприятные пространства, испытываешь, однако, тягостное ощущение, что в жестких, эсхатологических проекциях, пусть и в искаженной форме, все же присутствует некая значимая для человеческой души реальность: предчувствие действительного, но не столько сущего, сколько грядущего вселенского разделения. И отдельные черты будущей космогонии огненного мира отверженных, лишенного реальной сотериологии.

Кстати, вот что еще приходит на ум. Читая о тех или иных ужасах Средневековья, невольно задаешься вопросом: какой могла бы стать европейская ночь после великого переселения народов, если бы в ней не засияла звезда Рождества, то есть отсутствовал бы христианский идеал и вектор истории?

Но вернемся к основному сюжету. Учение о предопределении – квинтэссенция новой веры¹⁴. Именно здесь ощутимо присутствие своеобразного дуализма: жесткость и отчасти механистичность новой антропологии, формирующей в обществе собственную аристократию житейского успеха. Проявляются эти пассажи еще у Лютера, причем не только в “школярских” теолого-антропологических антитезах (“если в нас Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно, мы можем стремиться только к добру, если в нас нет Бога, значит, его место занимает дьявол, и все наши побуждения будут направлены ко злу”), но и в гораздо более редких у него, изошренных рассуждениях о двойственной воле Творца. О том, что помимо явной воли Бога, которая “ищет спасения для всех людей [...] есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие”¹⁵.

Уже в данных конструктах можно различить истоки будущего состояния мира, когда происходит “постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем”¹⁶.

* * *

И опять обратимся к непростым перипетиям генезиса капитализма.

Его зарождение, первую, торгово-финансовую, фазу обычно связывают с XV–XVII веками, хотя по ряду параметров истоки можно датировать даже более ранним временем, что, правда, нередко и делается с использованием термина *протокапитализм*.

Расцвет же был связан с эпохой географических открытий, кардинально изменившей экономическую картографию, сместив центр тяжести из средиземноморского региона в Атлантику.

земноморского в просторный атлантический (океанический) мир. Растущий приток драгоценных металлов, экзотических товаров, других материальных ценностей вызывал к жизни все более изощренные формы кредитно-денежных отношений, сдвигая одновременно вектор активности в космос финансовых операций, рождая такие эпохальные изобретения, как банк, вексель или ассигнация.

Закат же торгово-финансовой фазы совпал с упрочением на исторической арене национального государства, которое забирает себе наиболее прибыльную часть этой деятельности – кредитование стран и правителей, приступив к самофинансированию собственных нужд, путем выпуска государственных ценных бумаг и эмиссии национальной валюты, особенно (со временем) в форме банкнот.

Капитализм, однако же, успешно преодолевает возникший было кризис, занимая и формируя новую нишу, иногда прямо отождествляемую с ним, что порождает ряд aberrаций и иллюзий, – индустриальное промышленное производство.

Эта сфера хозяйственной активности в тот период развивалась по стремительно восходящей линии, с лихвой (в значении, прямо заложенном в данном слове) оправдывая практически любые капиталовложения и создавая на основе характерных для христианской цивилизации радикальных инноваций – перманентного технического прогресса и расширенного воспроизводства – все более обильный прибавочный продукт. От подобного стратегического союза получало выгоду также государство, чьи инфляционные и эмиссионные риски, как правило, оправдывались интенсивным промышленным развитием, ростом национальной экономики.

В общем энтузиазме эпохи и обретении рыночной конкуренцией второго дыхания, в звездном часе рожденной городской революцией демократии временно растворяются, отходят на второй план многие негативные черты денежного строя. В это время особенности капитализма, действующего в христианском обществе, принимаются за черты самого феномена и наоборот.

Однако в завершающем второе тысячелетие веке капиталистический индустриализм переживает как стремительный взлет, так и серьезный кризис.

* * *

В прошлом столетии индустриальное производство, пережив взлет, испытало действие фундаментальных факторов, препятствующих динамичному росту промышленности, а в дальнейшем – накоплению капитала и увеличению нормы прибыли, по крайней мере в традиционных отраслях.

Во-первых – это ограниченность платежеспособного спроса по сравнению с резко возросшими производственными возможностями. Обилие же “дешевых вещей”, не уравновешенное платежеспособным спросом, вело к кризису перепроизводства, избытку рабочей силы, затем – растущему напряжению в обществе. И, как следствие, необходимости экспансии потребления, взлома моральных норм и культурных стереотипов поведения, создания механизмов целенаправленной деструкции материальных ценностей, вовлечения в процесс расширенного потребления новых групп населения, развития искусственных, престижных потребностей у платежеспособной его части, разрушению тарифных барьеров, глобальной экспансии.

Во-вторых – обозначившиеся со временем границы хозяйственной емкости биосферы, перспектива серьезного ухудшения ее качества, а также исчерпания критически важных видов природного сырья. Но опасения эти были в значительной мере снижены, если не преодолены, за счет становления высокотехнологичной и постиндустриальной экономики. Инновационная экономика ослабляет значение подобных ограничений, а экономика информационная и финансовая (“канторовская”) их практически не имеют.

В третьих – усложнение отношений с научно-техническим прогрессом. В частности, из-за его двусмысленного воздействия на норму прибыли, учитывая необходимость перманентного перевооружения основных фондов вследствие их быстрого морального устаревания. А также из-за потенциальной способности неконтролируемых инноваций, открывающих и закрывающих технологий выбивать почву из-под ног сложившихся хозяйственных организ-

мов и целых отраслей. Произошли, кроме того, серьезные изменения в направлении реализации творческого дара в условиях его рыночной капитализации, в характере самой инновационной динамики.

Последний пассаж, впрочем, – наиболее спорная часть триады. Однако, если мы сравним состояние инновационной сферы в начале и конце прошлого века, перечисляя конкретные прорывные достижения, то обнаружим, что инновационный подъем со временем не возрастал, а скорее затухал, правда, не равномерно, хотя достаточно заметно. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия – *radical innovations* – сменяются многочисленными эффектными рационализациями открытий – *progressive innovations*, происходит универсальная технологизация науки.

Наблюдается расцвет информационных и финансовых технологий, оптимизационных по своей природе, а также – социальных инноваций, других “мягких” инноваций и технологий. Происходила постиндустриальная оптимизация всех экономических процессов на планете, ряд отраслей обретал виртуальный характер.

Порог миллениума оказался в итоге пограничной территорией, на которой кристаллизовались стратегические замыслы конкурирующих сил. С этого времени интересы капитализма и промышленного производства, судя по всему, больше не совпадают.

Глобализм и сетевая культура

К. прибыл поздно вечером.
Франц Кафка

Момент истины XX века – это, пожалуй, 1968–1973 годы – эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж интенсивной трансформации протестантского мира и одновременно выхода на поверхность, реабилитации ряда подсудных течений.

Граница периода была охарактеризована социальными мыслителями как “мировая революция” (Иммануил Валлерстайн), “вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории” (Збигнев Бжезинский), “великий перелом” (Рикардо Диес-Хохлайтнер). В то время, в условиях позолоченного века, материального торжества цивилизации и раскрепощения человека от многих природных и социальных тягот, в мировом сообществе происходят системные изменения.

Светскость *per se* предстает универсальной наследницей протестантского мира, культурным основанием цивилизации, ее осью и естественным пределом (“концом истории”), будучи носителем “политически корректной” версии великой культуры на глобальных просторах. Вызывая различные чувства – от недоумения и насмешек до страстной апологетики и жертвенной экзальтации – распространяется норма поведения, соответствующая данной системе ценностей. Универсальное признание гражданских прав, главенство суверенитета личности независимо от ее свойств и убеждений, вселенская деколонизация и борьба за мультикультурное сообщество, – все это прочитывается как многоликий и многослойный процесс постмодернизационной трансформации мира.

При этом секулярность в условиях фактической утраты собственных глубинных начал и полудобровольно наложенного на них эмбарго подвергается пассионарному воздействию со стороны как неоязычества, так и фундаментализма различных толков, не имея ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежней традиции.

* * *

После политической и культурной деколонизации Не-Запада, суверенизации обширных пространств Третьего мира семантика глобальной революции

реализует себя уже как “деколонизация” самого Запада, сопровождаясь прямым и косвенным демонтажем прежней конструкции, дехристианизацией и квазиориентализацией.

Сложившийся было на планете биполярный политический консенсус оказывается ситуацией исторически недолговечной, транзитной. А на холмистом постсовременном пейзаже становятся заметны контуры иного, не протестантского и не секулярного социокультурного ландшафта, претендующего на то, чтобы стать творческим ферментом нового мира.

Преображается структура международных связей, номенклатура их субъектов, под сомнением оказывается сложившаяся система международных отношений. На поверхность выходит феномен сетевой культуры, на первый взгляд амбивалентный по отношению к транслируемым через его посредство идеалам и ценностям. Однако данная формула организации сделала рельефным кризис прежней логики общественной регуляции, утвердившись в самых разных областях практики. Особая тема – роль этого феномена в становлении пассионарных сообществ, активных группировок постиндустриальной массовки и амбициозной элиты.

Социальная ткань меж тем продолжала расползаться, стало очевидным, что состояние дел, экономическая и политическая механика нуждаются в серьезной модификации, причем в глобальном масштабе. Принимаются меры для переосмысления перспектив, разрабатываются принципы и механизмы управления новым миром, планирования стержневых событий.

Еще осенью 1966 года, в разгар бомбардировок Северного Вьетнама, разногласий с европейскими союзниками, внутренних потрясений, наметившихся валютных и экономических неурядиц, – президент США Линдон Джонсон выступает с речью и, в частности, говорит о необходимости *“поскорее наладить связи между Западом и Востоком”*. Создается рабочая группа на базе Совета национальной безопасности во главе с Френсисом Бейтором; Белый дом и влиятельнейший Совет по международным отношениям инициируют серию дискуссий и консультаций по дальней границе (*high frontier*) американской и мировой истории.

Весной следующего года в Европу и СССР отправляется неформальный представитель президента Макджордж Банди, а уже летом, 23–25 июня, в поместье “Холлибуш”, Гласборо, Нью-Джерси происходит встреча американского президента и советского премьера Алексея Косыгина (несколько раз встречавшегося также с вице-президентом Хьюбертом Хэмфри)¹⁷. Дальнейшее развитие событий идет по линии как государственных контактов, приведших к реализации политики детанта, хельсинкским соглашениям и договорам по ограничению, а затем сокращению ядерных и обычных вооружений, так и создания системы неправительственных организаций, занятых осмыслением новой формулы мироустройства.

Интеллектуальное пространство актуальной проблематики фиксируется при помощи понятия “глобальные проблемы человечества”. Под этим тезисом на рубеже 60–70-х годов инициируется ряд международных неправительственных организаций, среди которых привлекает внимание Римский клуб, основанный в 1968 году благодаря усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга. Одновременно на основе “Нобелевского симпозиума” была сформирована Международная федерация институтов перспективных исследований (IFIAS, 1972), а в результате переговоров по линии Запад–Восток создан междисциплинарный Международный институт прикладного системного анализа (IIASA, 1972), в чьей деятельности участвуют ученые противостоящих политических блоков. Провозглашается идея мониторинга будущего, необходимости *“искать пути понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром”*, кристаллизуется в виде задачи *“создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем”*¹⁸.

Вскоре появляется Трехсторонняя комиссия (1973), объединившая перспективных политиков, бизнесменов, интеллектуалов США, Европы, Японии, а затем, после Вашингтонского совещания министров финансов крупнейших держав (1973), по приглашению французского президента Валери Жискар д’Эстена под Парижем в Рамбуйе рождается влиятельный институт наших дней – ежегодные совещания Большой семерки (1975).

* * *

Выделим несколько существенных факторов в трансформации глобального капитализма как универсальной системы.

Это появление “новых денег” (логическое завершение многовекового процесса порчи монеты), превратившихся в универсальную меру символического капитала и инструмент управления. Доллар, утратив рудименты золотого стандарта (1971–1973), реализует феномен не обеспеченного ликвидностью алхимического кредита последней инстанции. Другим фактором стали масштабные финансово-правовые технологии: перманентный глобальный долг, программы структурной адаптации (перестройки) и финансовой стабилизации (реструктуризация масштабных задолженностей в обмен на структурные реформы), системы управления рисками, которые претендуют на то, чтобы со временем стать глобальными и сменить кредитный замысел в качестве камертона неэкономической практики. Приблизительно в те же годы разворачивается революция в микроэлектронике, телекоммуникациях, информатике, производя на свет не ограниченные физическими параметрами виртуальные пространства. Появляются сеть ARPANET как прообраз интернета и системы глобальной биржи, спутники связи, микрочип, персональный компьютер, мобильная телефония, универсальные коды UPC-A и EAN-13 – эскизы глобального каталога объектов собственности, товаров и людей. Начинается перестройка социального космоса на основе неолиберальной идеологии, предполагающей эмансипацию экономики из-под суверенитета национально-го государства и создание новой социальной оболочки планеты.

Специфику новой формулы мировой экономики (приблизительно с того времени обретшей ярлык “глобальная экономика”) можно определить следующим образом: если до некоторого момента она представляла сумму национальных экономик, которые были самостоятельными субъектами, действовавшими на глобальном поле, то теперь ситуация как бы переворачивается. Появляется глобальный субъект, штабная экономика, которая действует на национальных площадках, превращая их в объекты. Вскоре на планете утверждается практически единый тип хозяйствования, формируется глобальный рынок, выстраивается система перераспределения мировых ресурсов и дохода.

Все эти тенденции позволяют очертить контур третьей (после *торгово-финансовой* и *промышленной*) фазы капиталистической мир-экономики – *геоэкономической*. Ее стратегическая цель – радикальная эмансипация экономики из-под гнета этатистских политий, а в сфере экономической практики – получение системной прибыли не столько за счет теряющей привлекательность промышленного производства (как когда-то произошло с торгово-финансовыми операциями), сколько в результате развития многообразных форм контроля над хозяйственной деятельностью в глобальном масштабе, позволяющих собирать обильную квазицену со всех видов практики, – наиболее простым, хотя и частным, примером чего могут служить знаменитые ножницы цен.

В некотором смысле происходит возврат к алгоритмам торгово-финансовой фазы, но уже на глобальном уровне, позволяющим осуществлять системные операции в едином экономическом пространстве и реализовывать коды управления в мировом масштабе. Технический прогресс и финансовые технологии вкуче с новыми организационными схемами придают этому процессу второе, если не третье дыхание, глобальный размах. И здесь социалистический эксперимент XX века получает несколько неожиданную перспективу. Опыт коммунистического Постмодерна можно в данном контексте рассматривать как футуристическое забегание вперед, отрицание *публичной власти* ради полуанонимной, законодательно нечетко фиксированной, но фактически тотальной *власти организации* – треста или госкорпорации, которая через систему назначаемых управляющих (номенклатуру) контролирует пространство страны, группу стран, в идеале – весь мир. Ситуация, когда крупная транснациональная корпорация направляет деятельность марионеточного правительства небольшой страны “третьего мира”, может сослужить здесь роль своеобразной лабораторной реторты.

Создавшееся положение есть своего рода завершение “гегелевской триады” становления глобального капитализма, где роль антитезы сыграл временный союз с христианской инновационной динамикой и промышленной революцией.

Институциональные формы третьей фазы могут со временем свести воедино проклюнувшиеся версии социального Постмодерна, запечатлев торжество широкой конвергенции культур и стилей, проявив их столь неочевидную сегодня типологическую родственность. Сохранится ли при этом отмирающий ярлык “капитализм”? И стоит ли лишний раз подчеркивать, что мировоззренческая основа этой стадии выходит далеко за пределы протестантской этики, вскрывая гораздо более интригующие истоки и горизонты рукотворного универсума?

* * *

Моделью выстраиваемой геэкономической конструкции (*геокона*) может послужить известный многоярусный китайский шар, этот своеобразный аналог *гебдомады* гностического космоса. Геокон последовательно соединяет хозяйственные диады (*сизигии*) в единую сложноподчиненную конструкцию экономистического универсума.

На “нижнем”, географически локализуемом его уровне – это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной индустриальной экономикой.

Другой, более высокий локус – производство интеллектуального продукта и его высокотехнологичное освоение.

На транснациональном ярусе – это производство финансовых ресурсов в купе с применением технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления экономическими и другими объектами, в свою очередь, плодящими потребность в данных ресурсах.

Но трансгранична также изнанка геэкономической конструкции – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому проеданию ранее созданного человеком или предоставленного природой потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор продвигаются правила игры, выходящие за пределы обозначенных Адамом Смитом ограничений (об этом чуть ниже), в которых правовой, а тем более моральный контекст утрачивает былое значение.

Наконец, на верхнем этаже расположена все еще пребывающая в становлении паутина штабной экономики. Это система глобального управления метаэкономикой утверждает регламенты “самой большой игры”, ее финансово-правовое (и силовое) регулирование, имея целью унификацию источника легальных платежных средств, универсальный контроль за их движением (равно как иных ресурсных потоков), унификацию и глобальную диверсификацию налоговых платежей, превращая земли геэкономического универсума в плодородную ниву нового мира – волшебный источник специфической квазиэнергии.

* * *

Торжество денежного строя, его влияние и амбиции стать мерой человеческой практики свидетельствуют о кризисе христианского универсума, но также и об истощении прежней пассионарной доминанты цивилизации – ее кальвинистского вектора.

Идеалы заметно меняются: строители уходящей в дурную бесконечность конструкции говорят на едином для стран и народов языке финансовых операций, обретающих смысл и жесткость естественных законов бытия. А социальная анатомия демонстрирует принципы и цели, в не столь отдаленном прошлом неразличимые либо смутно предчувствуемые под флером христианской культуры.

Прежние ценности переживают не столько девальвацию, сколько коррупцию, выступая в роли своеобразных симулякров, скрывающих под привычными, но ставшими ветхими одеждами новые смыслы. Впрочем, семантическое двоевластие, возможно, продлится не слишком долго: “... В отношении христианства к Новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду обнаруживал он идеи и ценности несомненно христианского происхождения, но объявленные всеобщим достоянием. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него.

Откуда было ему взять уверенности и упования? Теперь, однако, двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами...” – писал еще в середине прошлого века немецкий теолог и философ Романо Гвардини¹⁹.

К примеру, в сфере неэкономии откровенно спекулятивный характер финансовой деятельности переворачивает с ног на голову прежнюю архитектуру хозяйственной пирамиды. Косвенным образом он заодно повергает в прах как логическую эквилибристику Кальвина, обосновывавшего легитимность взимания процентов, так и слишком часто забываемую оговорку Адама Смита по поводу “законов справедливости”, ограничивающих действие механизмов конкуренции. “Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, – писал Адам Смит, и именно этой существенной оговоркой очерчивается общее русло его умозаключений о невидимой руке рынка (под коей разумел не нечто механическое, но “руку Божию”), – предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса”²⁰.

Финансовый успех – теперь уже не просто признак благодати, но сама благодать. В круговороте совсем не призрачной жизни цифр и канторовских множеств (“актуальной бесконечности”) – трансфинитной среды виртуальных операций, тщательно взвешенных устремлений и просчитанных порывов, финансовые ресурсы, заменив харизму, определяют статус индивида, положение в обществе и положение самого общества, диапазон легальных возможностей в Новом мире, претендуя стать творческими энергиями, источником как созидания, так и уничтожения.

Финансовый успех в качестве мерила личности и общества становится, таким образом, универсальной шкалой. Но по-настоящему крупный успех все чаще оказывается выше личных и социальных усилий, за пределом труда и морали, являясь признаком особой благосклонности некоего корыстного божества.

По крайней мере, в эстетических категориях все это напоминает то ли строительство вселенского лабиринта – опрокинутой в глубины земной плоти эшеровской версии Вавилонской башни, то ли воссоздание мистифицированного кафкианского Замка, чей центр невидим, а власть – везде. Кодовым же ключом к подобной конструкции земных иерархий является тривиальная модель политкорректного Севера (мировой град) в обрамлении проклятых стран остального мира (мировая деревня) с их в общем-то не вполне легитимной с точки зрения новой ситуации и подведомственной властью.

* * *

Происходящее наводит на аналогии с ситуацией поздней Античности: мировоззренческий синкретизм и размывание культурных горизонтов, падение морали и распространение идеологии общества потребления, переселение народов и миростроительные амбиции.

Однако исторический итог складывается заметно иной. Вместо былого сообщества катакомб на планете выстраивается глобальный *Undernet*, эксплуатирующий возможности иллегальных проектов и гибких неформальных организаций, не скованных ни моральными, ни юридическими ограничениями, что оказывается их существенным конкурентным преимуществом.

На сегодняшний день просматриваются, пожалуй, несколько рациональных сценариев развития событий на планете.

Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен: последовательное выстраивание геоэкономического каркаса Нового мира, или, проще говоря, создание глобальной и тотальной налоговой системы.

Но если наметившаяся каталогизация мира все же споткнется, то произойдет замена статичной, “закрытой” схемы геоэкономических связей на “открытую”, динамичную систему управления, прочитывающую социальные технологии, исходя из постулатов самоорганизующейся критичности.

Возможны модификации глобальной модернизации в виде “большой игры” на рынке ресурсов или возрождения неопротекционизма. Вероятно рас-

пространение оригинальных форм контроля над событиями, проецирование оригинальных миростроительных горизонтов/образов будущего, проектирование новых конфликтов, равно как и способов их урегулирования, разведение прав владения и режима их реализации. А также масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов, энергии – и еще, пожалуй, радикальное изменение структуры цен, в том числе за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

* * *

И все же то, что мы наблюдаем – исторический пересменок, предместье призрачной цивилизации, полярного града освобожденного Франкенштейна. Это своего рода лоскутное одеяло: причудливый симбиоз разнородных, плохо сшитых систем, порою, как всякая химера, весьма завораживающего свойства. Даже первые картинки волшебного гиньоля заметно изменили представления о мире, обществе, человеке.

История, нанося ощутимые удары, творя зигзаги и прорывы, ускорения и перестройки, расплывается по счетам особой валютой – опытом. Исследователь же горизонтов, вычерчивая картографию постсовременного глобуса, рано или поздно задумывается над ключевым вопросом: что принесет человечеству утверждение новых ценностей и каковы окажутся правила игры на планете?

Между тем вероятность воплощения мегаломаничного дизайна в соответствии с прежней логикой социального строительства вызывает серьезные сомнения. Если вдуматься, в самой стилистике трансформации – несущей одновременно энергии индивидуации и глобального контроля – скрыта двусмысленность. Семантика сетевой культуры проявляет себя – наводя опять-таки на мысли о катакомбных временах – как своеобразная реконструкция соборного, а не храмового единства христиан – хранителей ключей культуры Большого Модерна.

Вопросы, таким образом, остаются: станет ли постпротестантский век постхристианским зоном, либо это очередная метаморфоза все той же цивилизации? И каким образом будут сочетаться разноликие реальности в одной эпохе? Окажется ли возможным сохранить личность, остаться человеком и христианином в космосе Нового Ренессанса: в хаосе свободы, открывшейся для страстей, и одновременно разобщенности вне героического утешения и энтузиазма первых веков?

Завершая экскурс, посвященный поиску корней Нового мира, смутных начал его аксиологии, но также туманных горизонтов и дальней границы, экскурс, нитью которого являлось, в сущности, искусство землемера (скорее, стремление очертить проблемные поля, нежели попытка дать уверенные ответы), заметим, отталкиваясь от формулы Чеслава Милоша о причинах и свершениях, – временами слишком пристальный взгляд, брошенный в прошлое, позволяет узреть фрагменты невероятного будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Так первохристиане называли себя: *moderni*, в отличие от язычников, которые именовались ими *antiqui*. Возрождение подобного самоощущения (в сущности, совсем не хронологического свойства) имело место и в первые века второго тысячелетия.

2 Впрочем, генезис квазигосударственности ТНК можно отследить еще со времен Ост-Индской компании, когда феномен проявился даже ярче: компания обладала собственными вооруженными силами и флотом, правом объявлять войну и заключать мир, учреждать судопроизводство, чеканить монету, управлять территориями, создавая администрации, занимавшиеся сбором налогов и т. п.

3 См. Неклесса А. И. Новый амбициозный класс // Политический класс. – М., 2007, № 9; Неклесса А. И. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира // Политический класс. – М., 2008, № 1.

- 4 Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990, с. 91.
- 5 Первоначальный вариант этого текста публиковался в журнале “Новый мир” № 9, 2002.
- 6 Булгаков С. Н. Соч. Т. 2. – М., 1993, с. 259.
- 7 См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М., 1992, с. 244.
- 8 Бродель Ф. Динамика капитализма. – М., 1993, с. 50, 57, 58.
- 9 Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М., 1999, с. 114.
- 10 Любопытно совпадение привычных “мест обитания” данных идеологий с ареалами преимущественного распространения определенных христианских конфессий (конечно же, не со стопроцентной точностью): коммунизм – православные страны, фашизм (корпоративизм) – католические, неолиберализм – протестантские.
- 11 В исторической реальности это все же третье потрясение христианского мира, если помнить об отпадении восточных православных церквей в V–VI веках.
- 12 Цит. по: Гобри И. Лютер. – М., 2000, с. 315–316.
- 13 Тут вспоминается непростая логия из Нового Завета, содержащая призыв к подвижничеству – постоянной трансценденции себя и мира: *“Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его”*.
- 14 Основы трактовки пространств свободы были заложены еще блаженным Августином. В сущности, вопрос здесь – принадлежит ли человеческая свобода вечности или времени. От ответа напрямую зависит либо открытость и драматичность текста бытия, либо прочтение судьбы как книги с известным концом.
- 15 Лютер М. О порабощенной воле. Цит. по: Гобри И. Лютер. – М., 2000, с. 322. В каком-то смысле здесь помимо дуализма проскальзывает, пожалуй, в неявной форме также оттенок столь чуждого духу христианства эзотеризма.
- 16 Brzezinski Z. Between Two Ages. Americas Role in the Technotronic Era. – N. Y., 1976, p. 252.
- 17 Тогда в середине 60-х годов в России-СССР тоже ощущается, хотя полноценно не осознается, стратегический характер ситуации, необходимость введения новых принципов социального и экономического управления, обновления политики. Однако именно в 1967 году выходит на поверхность ведущаяся с 1965 года борьба Леонида Брежнева с группировкой Александра Шелепина, проявившаяся вначале в планомерном сокращении полномочий последнего: преобразовании возглавлявшегося им Партийно-государственного контроля в Народный контроль, лишении поста заместителя Председателя Совета министров СССР, передаче Орготдела ЦК Капитонову, лишении позиции секретаря ЦК КПСС и, наконец, в сентябре 1967 года назначении Шелепина председателем ВЦСПС, правда, при сохранении – впрочем, уже достаточно формального – членства в Политбюро. (А при воссоздании союзного МООП в июне 1966 года был выведен из игры руководитель российского министерства внутренних дел – при том, что союзное на тот момент отсутствовало – Вадим Тикунов, в конце концов, сосланный послом в Камерун.) Весной 1967 года началась завершающая фаза партийно-государственного переворота: в мае с поста председателя КГБ был снят Владимир Семичастный, очередной раз был ликвидирован многозначительный ОМИ ЦК КПСС и сослан в итоге также в Африку (Алжир) его руководитель Дм. Шевлягин, еще раньше, в апреле, был снят с поста гендиректора ТАСС Дм. Горюнов (также вскоре уехавший послом в Африку – в Танзанию), а затем и председатель АПН Борис Бурков. Наконец, непосредственно в июне в момент встречи в Гласборо развернулась интрига с Николаем Егорычевым, окончившаяся его снятием с поста руководителя Московской партийной организации. (Дольше всех держался руководитель Гостелерадио Николай Месяцев, но и он был снят в апреле 1970 года.) А после исторического 1968 года, начала переговоров по стратегическим вопросам с Западом, ввода войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию и провозглашения доктрины Брежнева, процесс внутренних реформ в СССР окончательно ставится на реверс и консенсус достигается в русле предложенной стратегии детанта.
- 18 Декларация Римского клуба // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. – М., 1997, с. 310. В 1966 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инициировала исследование одного из будущих отцов-основателей Римского клуба Эриха Янча *“Перспективы технологического прогнозирования”*, в котором была выделена тенденция к интеграции прогнозирования и планирования, приводящая к новой области интеллектуальной рефлексии и практической деятельности – *“активному представлению будущего”*. Название следу-

ющей записки Янча: *“Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем”*. Основная идея работы – базовым элементом социальной эволюции является человек, способный формировать свое будущее. Критическое условие процесса – контроль над системной динамикой общества и окружающей средой. Схожие идеи содержатся в *“Проекте-1969”* Аурелио Печчеи, где формулируется необходимость *“нормативного планирования от будущего к настоящему”* для обеспечения контроля над *“некоторыми важными вопросами”* (демографическая ситуация, продовольствие, безопасность). Подробнее см.: Ressei A. *The Chasm Ahead*. – Toronto, 1969.

19 Гвардини Р. Конец нового времени. // Вопросы философии. – М., 1990, № 4, с. 162.

20 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962, с. 497.